

УДК 130.2

Лораджин Смит«ЗЕРКАЛО НАСЛЕДИЯ»:
НАРЦИССИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ МНОЖЕСТВО ОТРАЖЕНИЙ?*

Ф. Хой, утверждает: то, что мы выбираем из прошлого для охраны и сохранения в настоящем, предлагает нам нарциссическую иллюзию, в этой связи он пишет о своеобразном зеркале наследия¹. Так же как и некоторые исследователи до него², он обеспокоен тем, что память и история все чаще смешиваются³, а одержимость наследием ведет к остановке современной креативности и предлагает вымышленное чувство универсальной человеческой идентичности. В некотором смысле эти тревожные размышления совершенно обоснованы, т.к. одна из вещей, которые делает наследие, это обоснование и поддержка определенных идентичностей и нарративов, зачастую осуществляемые посредством поддержки таких форм памяти, как культурное наследие нации или человечества. Однако, как уже отмечалось в литературе, это не единственная «работа», которую «выполняет» наследие⁴. Важно подчеркнуть при этом саму идею о том, что наследие что-то *делает* – оказывает какое-то влияние, «выполняет» какую-то культурную и социальную «работу». Нередко в основе критики наследия как явления, сдерживающего развитие культуры, лежит предположение о том, что само наследие связано лишь с коллекционированием и сохранением физических объектов – вещей или мест. Наследие – как определяет его здравый смысл – это те вещи, которые предлагают репрезентацию прошлого и чувства идентичности. Мы получаем их по наследству от прошлого для того, чтобы передать будущему, их следует сохранять, т.к. они конечны, хрупки и невозстановимы.

Традиционные определения наследия начинают ставиться под сомнение в активно увеличивающемся корпусе литературы, базирующейся на утверждении того, что наследие – это «одно из самых значительных <...> социальных движений нашего времени»⁵ и «культурное наследие не существует, оно создается»⁶. Б. Дикс, например, разрабатывает идею о наследии как коммуникативном акте⁷, в литературе неоднократно писалось и о наследии как культурном производстве, а так же дискурсе, связанных с регулированием национальных и культурных идентичностей⁸. В моих работах также не раз отмечалось,

* Первоначальный вариант статьи был опубликована на испанском языке как: *Smith L. El «espejopatrimonial». ¿ilusiónnarcisista o reflexionesmúltiples? // Antípoda – Revista de Antropología y Arqueología. 2011. № 12.*

¹ См.: *Choy F. The Invention of the Historic Monument. Cambridge, 2001.*

² *Hewison R. The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline. London, 1987; Wright P. On Living in an Old Country. London, 1985.*

³ *Choy F. The Invention of the Historic Monument. P. 171.*

⁴ *Samuel R. Theatres of Memory. London, 1994. Vol. 1: Past and Present in Contemporary Culture.*

⁵ *Ibid. P. 25.*

⁶ *Bendix R. Heritage between economy and politics: an assessment from the perspective of cultural anthropology // Intangible Heritage. Ed. by L. Smith and N. Akagawa. London, 2009. P. 255.*

⁷ *Dicks B. Heritage, Place and Community. Cardiff, 2000.*

⁸ *Byrne D.: 1) Western hegemony in archaeological heritage management // History and Anthropology. 1991. Vol. 5. P. 269-276; 2) Deep nation: Australia's acquisition of an Indigenous past // Aboriginal History. 1996. Vol. 20. P. 82-107; Kirshenblatt-Gimblett B. Destination Culture: Tourism, Museums and Heritage.*

что наследие – это культурный процесс, связанный с обсуждением памяти, идентичности и чувства места⁹. Это активный процесс вспоминания, забвения и коммеморации, развиваемый для того, чтобы помочь разобраться в культурных и социальных изменениях, а так же социальных и политических проблемах современности.

Идея наследия

Идея, сообразно которой наследие это «вещь», доминирует в международных дебатах и лежит в основе политики и практики ЮНЕСКО, особенно, ее Конвенции о мировом наследии 1972 г. В последнее время, с ратификацией Конвенции ЮНЕСКО о нематериальном культурном наследии (2003 г.) влиять на глобальную политику в этой области стало и представление о наследии как о «нематериальном» событии¹⁰. В основе двух этих документов лежит желание «спасти» и защитить жемчужины и шедевры творческого начала и самовыражения человека. При этом общие установки конвенций и, в более широком смысле, практики менеджмента наследия, при помощи которых его феномены должны контролироваться и управляться, весьма показательны и дают все основания для тех критических аргументов в адрес наследия, которые связывают его с состоянием застоя, стремлением заморозить моменты культуры или превратить их в окаменелости, с вырождением культуры¹¹. Определение наследия как вещи, места или какого-то конкретного события работает на то, чтобы поместить в центр внимания проблему сохранения каких-то определенных взглядов на прошлое или памяти о нем. Если наследие – это просто «вещь», значит, его можно не только «найти», но и определить, измерить, каталогизировать, а, следовательно, и его смысл можно гораздо проще контролировать и ограничивать. Однако идея наследия не столько, как «вещи» или какого-то «нематериального события», сколько как культурных процессов позволяет оценить его критически и способствует изучению тех последствий, которые имеет процесс определения неких вещей в качестве наследия или создания из них наследия. Она позволяет нам понять не только то, память о чем сохраняется, но и то, что подвергается забвению, позволяет ответить на вопрос: почему так происходит?

В основе определения наследия как «вещи» лежит Авторизованный Дискурс Наследия (далее – АДН). АДН развивается в Западной Европе XIX в. вслед за призывами со стороны археологов и архитекторов сохранять материальную культуру, которую они объявляют обладающей внутренней и наследуемой ценностью¹². АДН определяет наследие как эстетически приятные материальные объекты, места, пространства и /или ландшафты, которые невозобновимы. Их хрупкость требует, чтобы нынешние поколения хранили и

Berkeley, 1998; *Hall S.* Whose Heritage? Un-settling «The Heritage», Re-imaging the post-nation // *Third Text*. 1999. Vol. 13. № 49. P. 3-13; *The Politics of Heritage: The Legacies of «Race»*. Ed. by J. Littler and N. Roshi. London, 2005; *Waterton E.* Towards a Critical Heritage: Discourse, Policy and Power. Palgrave Macmillan, 2010.

⁹ *Smith L.* Uses of Heritage. London, 2006.

¹⁰ *Intangible Heritage*. Ed. by L. Smith and N. Akagawa. London, 2009.

¹¹ См., напр.: *Wright P.* On Living in an Old Country; *Hewison R.* The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline; *Walsh K.* The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Post-Modern World. London, 1992; *Choy F.* The Invention of the Historic Monument; *Handler R.* Cultural property and culture theory // *Journal of Social Archaeology*. 2003. Vol. 3. № 3. P. 353-365; *Amsell J. L.* Intangible heritage and contemporary African Art // *Museum International*. 2004. Vol. 56. № 1-2. P. 84-89.

¹² См.: *Smith L.* Uses of Heritage.

оберегали эти вещи, поклонялись им так, чтобы их могло унаследовать будущее. АДН предполагает, что наследие – это что-то, что можно «найти», что его внутренняя ценность – его сущность – это что-то, что будет «говорить» с нынешними и будущими поколениями и способствовать пониманию ими своего «места» в мире. Культурное наследие должно передавать общее чувство человеческой идентичности. АДН также оговаривает и тот факт, что само наследие неизбежно оказывается чем-то хрупким и нуждающимся в защите. Хранителями человеческого прошлого должны быть специалисты, в первую очередь, те, кто имеет дело с материальным миром (археологи, архитекторы, историки искусства и т.д.). В последнее время, в связи со все более широким распространением в области международной политики идеи нематериального наследия, еще одной группой экспертов, к которой можно обратиться, когда необходимо осмыслить какие-то «события в области наследия», стали антропологи. В рамках АДН от экспертов требуется осуществление контроля и управления наследием, его свойствами и связанными с ним событиями. В основе таких представлений лежит понимание профессионального долга, включающего в себя не только защиту прошлого, но и включение ценностей наследия в процесс коммуникации с нацией.

Представление о том, что нечто передается по наследству, встроенное в само понятие наследия, – ключевое в рамках АДН. Наследие, всячески подчеркивается в АДН, должно быть передано последующим поколениям без изменений, следовательно, «сущность» или предполагаемый внутренний смысл наследия, прошлого и культуры, которые оно представляет, не будут изменены или оспорены. Эта идея неизменной ценности наследия восходит к представлениям о внутренней ценности наследия, а так же к этике XIX в., провозглашавшейся, например, Джоном Рескиным или Уильямом Моррисом, сообразно которой наследие следует «сохранять так, как оно было найдено». Такая этика опирается на идею о том, что тогдашним специалистам в области консервации архитектурных сооружений или же нынешним профессионалам в области наследия следует уважать эстетические и иные, считающиеся «передающимися по наследству» ценности, представленные материальным компонентом наследия. Храня такое уважение, нынешние поколения не имеют права менять вид или ценности наследия, представленные памятником или местом. Таким образом, «вещь», идентифицированная как наследие или, в недавнее время, как нематериальное событие наследия, имела тенденцию соединяться с культурными и социальными ценностями, которые использовались для интерпретации и придания смысла связанным с наследием вещам и событиям. В рамках АДН, следовательно, наследие становилось не столько культурными ценностями или смыслами, сколько памятником или иной материальной вещью или же местом. Более того, нематериальное наследие также стали сводить к таким вещам, как различные приспособления, конструкции, музыкальные инструменты и т.д., которые могли использоваться для его выражения, или же просто определять как «нематериальные ценности», связанные с материальными местами и объектами (не обращающая внимания на тавтологию, которой является само это словосочетание – «нематериальные ценности»).

Представление о внутренней ценности наследия поддерживает также и идею о том, что наследие представляет все хорошее и славное, что есть в прошлом. Темная или спорная сторона прошлого не признается частью сложной структуры самого наследия, а просто отсеивается под маркой «особого случая» или определяется как «диссонантное наследие». Благодаря этому, различные конфликты, вызванные интерпретацией и сохра-

нением наследия, из рутинных и фундаментальных аспектов самой природы наследия превращаются в отдельные, изолированные события. Еще один из элементов этого дискурса – «идентичность»: наследие связано с конструированием идентичности, особенно, национальной идентичности. Однако в контексте дебатов, ведущихся в рамках АДН, это предположение практически никогда всерьез не анализируется, поэтому и в литературе, посвященной проблемам наследия, нет ответа на вопрос: *как именно* идентичность конструируется при помощи или посредством мест и объектов наследия? Такое отсутствие четкого понимания способствует принятию утвержденных и узаконенных культурных и социальных ценностей, а так же идентичности. Последняя становится неизменной данностью, каким-то образом изначально встроенной в место или объект наследия.

АДН конструирует не только конкретное определение наследия, но и авторизованную ментальность, которая развивается для понимания некоторых социальных проблем, в центре которых находятся права на идентичность и само наследие. Понимание, в данном случае, предполагает и манипуляции с ними. Не существует единственного АДН. Описанный здесь международный АДН будет иметь определенные различия в разных национальных контекстах, хотя у международного дискурса найдется много общего с дискурсами Западной Европы и, в целом, Западного мира. АДН, в национальном и международном масштабах, это не просто дискурс наследия, не является он также и неизменным или неизменяемым. Он является объектом споров, нередко его оспаривают. Тем не менее, он реален в том смысле, что авторизованное или доминирующее понимание наследия существует на международной арене, и этот факт имеет свои последствия. Для нас важно отметить три таких последствия. Первое заключается в том, что АДН исключает такие подходы к пониманию наследия, которые развиваются вне его рамок или противостоят ему. Из-за этого такие формы наследия, как, например, наследие незлитарное, субнациональное, незападное, которые оспаривают или не подтверждают универсализирующие нарративы наследия, или же игнорируются или отбрасываются и определяются как особый случай, представляющий интерес лишь для миноритарных групп. АДН и та прочная власть, которой он обладает над определением законности конкретных форм культурного и национального наследия, часто мешают возможности разнообразного, мультикультурного или транснационального понимания прошлого и настоящего.

Вторым последствием можно считать тот факт, что АДН постоянно утверждает те формы знания и ценности, которые способствуют его развитию. Такие специализированные области, как западная археология или архитектура, способствующие развитию АДН, постоянно поддерживают дискурс, сохраняя ценности, на которых он базируется. АДН, в свою очередь, признает и оценивает определенные категории экспертного знания и, тем самым, обеспечивает для них привилегированный доступ к ресурсам наследия. Это означает, что очень часто интересам экспертов отвечает сохранение дискурса, который обеспечивает не только их доступ к тем или иным данным, но и особую позицию, которую занимают в ходе публичных дебатов и обсуждений интерпретации или смысла прошлого, их ценности, знания и утверждения относительно наследия.

Третьим последствием является то, что АДН мешает рассмотреть те культурные процессы и то культурное производство, которые имеют место вокруг менеджмента и консервации наследия, особенно затемняя или объявляя вне закона дебаты и споры относительно интерпретации прошлого и настоящего. Более того, АДН стремится скрыть и то культурное производство, которое сам этот дискурс порождает и распространяет. На самом деле,

для меня наследие – это не вещь, постройка или место, а процессы порождения смыслов, происходящие, когда место или событие наследия идентифицируются, определяются, управляются, экспонируются и посещаются или рассматриваются. Полезным кажется понимание наследия как субъективного политического обсуждения идентичности, места и памяти, т.е. момента или процесса (ре)конструкции и обсуждения культурных и социальных ценностей и смыслов. Это процесс или даже перформанс, в ходе которого мы идентифицируем ценности, воспоминания, а так же культурные и социальные смыслы, которые помогают нам осмыслить настоящее, наши идентичности и чувство физического или социального места. Наследие есть процесс обсуждения исторических и культурных смыслов и ценностей, который происходит, когда мы принимаем решение о том, будем ли мы сохранять или нет то или иное физическое пространство, тот или иной объект или нематериальное событие, как они будут управляться, экспонироваться или представляться. Те же процессы происходят и когда посетители оказываются вовлеченными либо же не вовлеченными в контакт с этими предметами или событиями. Места наследия и его нематериальные события приобретают ценность благодаря самому акту наименования их наследием и тем процессам обсуждения и (вос)создания, которые в связи с ними происходят. Следовательно, «наследие» – это дискурс, вовлеченный в дело легитимации и управления историческими и культурными нарративами, а так же то, что эти нарративы осуществляют в сохранении или обсуждении общественных ценностей и обосновываемых ими иерархий. Следовательно, АДН есть сам по себе процесс создания наследия, регулирования и управления политическим и культурным смыслом прошлого, а так же той ролью, которую это прошлое затем играет в определении некоторых социальных проблем и трудностей. АДН – это всего лишь один из дискурсов наследия, пусть и доминирующий сейчас. Но наследие, которое он создает, постоянно подтверждает то самое зеркало наследия, с его элитистскими и нарциссическими отражениями, о котором писали Ф. Хой и некоторые другие¹³. Кроме того, АДН регулирует и контролирует легитимность, которую могут получить неавторизованные проявления наследия. Контроль осуществляется посредством затемнения процесса культурного производства, происходящего в местах, где и создается наследие.

Наследие за работой: Case studies

Исследования, которые я проводила в Англии¹⁴, и те, что провожу сейчас в Австралии и США¹⁵, направлены на выявление того, как места или события наследия используются в ходе процессов сохранения памяти, забвения или коммеморации. Их целью является определение той самой культурной и социальной «работы», которая связывается с наследием, особенно в связи с тем, как наследие используется при обсуждении определенных социальных проблем или в случае споров, восходящих к интерпретации прошлого и утверждению права на идентичность. Кроме того, рассматривается вопрос о том, как АДН (в раз-

¹³ *Choy F. The Invention of the Historic Monument.*

¹⁴ В Англии исследование проводилось в 2004 – 2009 гг. Оно было поддержано двумя грантами: Британской Академии и Исследовательского совета по вопросам искусства и гуманитарных наук.

¹⁵ Эти исследования были поддержаны Австралийским исследовательским советом в рамках проекта «Культурное наследие и медиация идентичности, памяти и исторических нарративов». См. подробнее: <http://archanth.anu.edu.au/staff/dr-laurajane-smith> (ссылка последний раз проверялась 06.12.2013 г.).

личных национальных контекстах) работает над регулированием способов использования наследия. Данные, использованные в исследовании и приведенные в этой работе, основываются на подробных интервью с посетителями музеев и мест наследия. В опросниках или анкетах содержались вопросы и демографического и свободного характера. Последние должны были позволить посетителям не просто соглашаться или не соглашаться с утверждениями, которые считал важными для данной темы составитель анкеты, а определить темы и проблемы, важные и значимые для самих посетителей¹⁶. Предлагаемый ниже материал показывает нам три разных способа, которыми работает (удачно или безуспешно) АДН в процессе регулирования моментов наследия, и демонстрирует, как люди используют места наследия в качестве культурных инструментов для сохранения памяти или забвения.

В 2004 г. было осуществлено интервьюирование 454 посетителей в шести английских загородных домах представителей знати, открытых для публики¹⁷, в 2007 г. опрошено было еще 276 человек в четырех домах. Загородные дома такого рода, или поместья, являются чрезвычайно репрезентативным примером английского варианта АДН. Зачастую они публично определяются и рассматриваются как шедевры английского художественного начала¹⁸. Хотя они и ассоциируются с английской аристократией, потомки которой нередко все еще остаются их владельцами, представителями английской элиты и такими организациями, как, например, the National Trust, они активно провозглашаются важнейшим элементом английского национального наследия¹⁹. В нашем исследовании рассматривалось, как в рамках АДН проявляется та, связанная с культурой и идентичностью работа, которую большинство посетителей осуществляло в ходе их визитов в эти дома²⁰.

Хотя многие посетители и в 2004 и в 2007 гг. утверждали, что причиной их визита было желание отдохнуть, дальнейшие расспросы демонстрировали весьма активный процесс формирования смыслов, имевший место в ходе этих визитов. На самом деле определенное количество опрошенных считали такое посещение просто чем-то, что ты обычно делаешь, являясь англичанином определенного типа. Это было осуществлением твоей идентичности как англичанина или, еще точнее, англичанина из среднего класса. Здесь можно остановиться на трех ключевых темах. Во-первых, посетители в ходе своего визита оказывались активно вовлеченными в конструирование национальной идентичности. Зачастую это происходило благодаря чувству, что загородные дома представляют ощущение исторической преемственности. Например: «Преемственность – преемственность истории: у Америки нет наследия» (СН29, мужчина, за 60, учитель, 2004)²¹. Национализм формировался не только благодаря тому «особому» месту, которое эти дома занимают в английской истории и культуре, но и благодаря тому, что их характеризовали как то, чего

¹⁶ См.: *Smith L.* 1) *Uses of Heritage*; 2) *Affect and registers of engagement: navigating emotional responses to dissonant heritages // Representing Enslavement and Abolition in Museum: Ambiguous Engagement*. Ed. by L. Smith, G. Cubitt, R. Wilson, K. Fouseki. New York, 2011.

¹⁷ Материалы опубликованы в: *Smith L. Uses of Heritage*. P. 115 и далее.

¹⁸ *Mandler P.* *The Fall and Rise of the Stately Home*. New Haven, 1997.

¹⁹ *Deckha N.* *Beyond the country house: Historic conservation as aesthetic politics // European Journal of Cultural Studies*. 2004. Vol. 7. № 4. P. 403-423.

²⁰ Сами посетители в данном случае относили себя либо к категории белых британцев либо к категории туристов из-за границы (только два британца определили себя не как «белых»).

²¹ Здесь дается указание на порядковый номер интервьюера, его пол, порядок возраста, область деятельности и этническую принадлежность. Эти показатели выбирались самим опрошенным.

попросту нет у других стран: «Английская Архитектура – это, чего в США нет. То, что принадлежит нам» (СН21, женщина, за 60, офицер Королевских военно-воздушных сил в отставке, 2004). «В отличие от США – мы храним историю – это не Диснейленд – это Британское – возвести здания, которые, в отличие от современных, всегда будут тут стоять» (СН135, женщина, 18 – 29, продюсер на радио, 2004). «Мне это (дом – Л. С.) нравится. Горжусь – мы гордимся тем, что мы англичане, что можем видеть все это величие и посещать такие места. Горжусь, что я британка – американцы нам завидуют, завидуют тому, что у нас есть ... Видеть то, что сделало Британию великой страной – видеть, когда в наши дни вокруг великого-то не очень много – не хочется терять Королевскую семью или идти в сторону Европы и превращаться в еще одно из европейских государств» (СН147, женщина, за 60, домохозяйка, муж – механик, 2004).

Второй темой стало то, каким образом посетители благодаря этому визиту активно конструировали чувство идентичности, свойственное представителям белого среднего класса. Загородные дома оказывались связанными не только с нацией, но и со статусом и местом белого среднего класса в английском обществе: «И прикоснуться к наследию – это очень важная часть досуга – очень характерная для среднего класса ... Особенно важно для среднего класса – получить удовольствие. Но в этом нет никаких проблем, разные места нравятся разным людям» (СН369, женщина, за 60, ученый, 2004). «Для подавляющего большинства – это не так уж и важно, люди скорее отправятся за покупками. По-моему это (посещение загородных домов – Л. С.) характерно для среднего класса: из-за образования и того, как ты воспитан; это отражает направления твоего образования» (СН409, мужчина, за 60, 2004).

Как я уже отмечала²², процесс посещения загородного дома демонстрирует, что ты обладаешь образовательными и культурными навыками или капиталом, необходимыми для понимания и восприятия буколической эстетики дома и окружающего его сада (а так же обладаешь и средствами, чтобы приобрести достаточно дорогой входной билет). Посещение является перформативным воплощением того, что означает для определенных частей английского общества быть представителем среднего класса и патриотом.

Третьей темой является тема комфорта. Посещение поместья и приятное чувство исторической и социальной преемственности оказывались столь комфортабельными, что вели к сохранению совершенно не критического чувства истории, выстроенной на основании всеобщего консенсуса: «Дает чувство комфорта – история и стабильность и их преемственность ... комфортно знать, что все это еще сохраняется» (СН286, женщина, за 60, 2004). «Мне нравится дом – он теплый и доброжелательный. Я чувствую себя здесь комфортно и по-домашнему» (СН269, женщина, 30 – 39, оператор компьютерных систем, 2004). «Гордость и комфорт» (СН363, женщина, 40 – 59, учитель, 2004). «Ностальгия. Каждый раз, когда я оказываюсь в подобных местах, я ощущаю спокойствие и чувствую свою сопричастность» (СН365, женщина, за 60, 2004).

Чувство комфорта достигается не только благодаря чувству исторической преемственности, но и благодаря тому, что английские агентства, связанные с менеджментом наследия, активно участвуют в поддержании этой преемственности. Исходя из данных, полученных в ходе этого, а так же других исследований²³, можно отметить, что английская

²² *Smith L. Uses of Heritage.*

²³ См.: *Schwytzer P. The scouring of the white horse: archaeology identity and heritage // Representations. 1999. Vol. 65. P. 42-62; Waterton E.: 1) Sites of sights: Picturing heritage, power and exclusion // Journal*

идентичность особенно тесно связана с чувством гордости по отношению к прошлому, и активному взаимодействию с этим самым прошлым. На самом деле, сохранение мест, обладающих какими-то историческими качествами, – т.е. наследия – зачастую преподносится как сугубо английская проблема²⁴.

Сам акт посещения загородного дома был воплощением процесса воспоминания и подтверждения национальной идентичности²⁵. Он побуждал людей чувствовать «гордость за то, что мы британцы, ведь это – прекрасная часть нашей страны. В других странах нет столько культуры, сколько есть у нас» (СН60, мужчина, 18 – 29, менеджер отдела кадров, 2004). Кэтрин Палмер, проводившая сходное исследование, в ходе которого опрашивались посетители тех мест наследия, которые в рамках АДН объявлялись имеющими национальное значение (Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец, усадьбные дома), также подчеркивает важность эмоций, связанных с комфортом и преемственностью, в деле сплочения чувства национальной идентичности. Как отмечает исследовательница, эти места «позволяют людям чувствовать связи родства, которые соединяют их с нацией»²⁶, что упрощает и ощущение связи с нацией через создание чувства знакомства с представляемой здесь историей. В свою очередь, это помогает передать людям чувства «комфорта» и «тепла», а это способствует тому, что они начинают принимать историю как свою собственную²⁷. Иными словами, АДН, подтверждая чувство национальной истории и наследия, играет на эмоциональной безопасности преемственности, чего-то знакомого и комфортного, тем самым помогает узнать свое социальное «место» и подтвердить гордость за исполненную консенсуса историю и универсализующие национальные нарративы.

Чувство гордости и ощущение комфорта важны не только для укрепления чувства национальной идентичности в загородных домах, они используются и для превращения в комфортное того, что изначально является неприятным. Загородные дома и их окружение работают на то, чтобы выработать у людей чувство комфорта относительно того социального и культурного места, которое они занимают в обществе. Они же и упрочивают это чувство. Проблемы неравенства утрачивают саму свою проблематичность²⁸. Фактически, эмпатия по отношению к иному историческому опыту упраздняется чувством комфортной гордости, воплощаемой загородными домами. В 2007 г. проводился опрос посетителей тех загородных домов, в которых были развернуты временные выставки, оспаривавшие нормативное и единодушное прочтение этих памятников. В целом, даже с их помощью не удалось вызвать сколько-нибудь значительного пересмотра того представления, которое загородные дома демонстрировали в ходе опросов 2004 г.²⁹ Экспозиция под названием «Работа и игра», например, должна была среди прочего сделать более зримым при-

of Heritage Tourism. 2009. Vol. 4. № 1. P. 37-56; 2) Branding the Past: The Visual Imagery of England's Heritage // Culture, Heritage and Representations: Perspectives on Visuality and the Past. Ed. by E. Waterton and S. Watson. Aldershot, 2010.

²⁴ *Schwytzer P.* The scouring of the white horse; *Smith L.* Uses of Heritage. P. 132-133; *Waterton E.* Branding the Past. P. 166.

²⁵ *Smith L.* Uses of Heritage. P. 148-149.

²⁶ *Palmer C.* An Ethnography of Englishness: Experiencing Identity through Tourism // Annals of Tourism Research. 2005. Vol. 32. № 1. P. 17.

²⁷ *Ibid.* P. 18, 24.

²⁸ *Smith L.* Uses of Heritage. P. 142-143.

²⁹ *Ibid.*

сутствие в доме слуг и работников усадьбы, но она так и не смогла одержать верх над эмоциональной безопасностью прочтения загородного дома в рамках АДН. Большинство посетителей просто не обратило особого внимания на выставку, не соответствовавшую их ощущению того опыта, который должен приносить визит в загородный дом. Как заметил один из опрошенных: «... честно говоря, я ее даже не заметил. Я просто смотрел на картины» (WP74, 2007). Выставка не мешала тому, как многие посетители «упивались» процессом пребывания «в» доме, понимаемым как «просто все это настоящее» (WP08, 2007). Посещение означало «просто смотреть по сторонам и просто смотреть на вещи и просто гулять там, где мило и тихо» (WP127, 2007). Иными словами, оно не предполагало «ходить вокруг и о чем-то очень серьезно думать» (WP127, 2007), а оказывалось простой реализацией пребывания в доме и того, что это означает для чувства идентичности, присущей белому представителю английского среднего класса (или же – как работает на реализацию такой идентичности).

В одном из загородных домов, посетители которого уже опрашивались в 2004 г., выставка, детально раскрывавшая его связи с трансатлантической работоторговлей, вызвала чрезвычайно негативную реакцию посетителей, опрошенных в 2007 г. Некоторых из них включение такой выставки, противостоящей общему настроению дома, очень разозлило. Одна из посетительниц в ярости заметила, что выставка была «неуместной, совершенно неуместной, совершенно неуместной, мы пришли сюда не для того, чтобы увидеть это ...» (ННН27(45): женщина, 55 – 64, менеджер в отставке, белая, англичанка). Другой посетитель также отметил, что выставка о связи дома с работоторговлей была «неуместной, мы пришли, чтобы увидеть дом, историю принцессы Мэри, королевской семьи, так что это отдельная проблема, несвязанная с нашим визитом, мы просто прошли мимо» (выставки – Л. С.) (ННН13(31), мужчина, 25 – 34, финансовый администратор). При этом некоторые посетители не стали игнорировать выставку и некоторые из них признались, что раньше не понимали связи всего увиденного с рабством. Как заметила одна женщина: «меня как осенило: боже мой, так ведь оно (рабство – Л. С.) и есть фундамент этого здания» (ННН20(84), 35 – 44, белая, британка). Другая посетительница сформулировала это так: «Ох, да, я думаю, определенно, надо делать ставку на такого рода выставки, хм, знаете, они нам напоминают о том, что было возможно в прошлом и невозможно теперь и точно не должно быть возможно в будущем, знаете, нельзя же, чтобы какие-то расисты господствовали над другими расами ..., нет, совершенно точно, хорошо, что есть такие выставки» (СНГ3а(3), женщина, 55 – 64, менеджер Национальной службы здравоохранения, белая, британка).

Большинство посетителей, как и в случае с выставкой «Работа и игра», не заметили эту выставку и предпочли ее проигнорировать, опять же потому, что их посещение предполагало осмотр дома и было связано с ощущением комфорта, и, тем самым, оказывалось способом реализации определенного чувства английской истории и идентичности. Это посещение никак не было связано с проблемами, которые могли нести угрозу этим эмоциям. Как ответила на вопрос «Имеют ли выставки такого рода какой-то смысл для современной Англии?» одна из посетительниц: «Нет, на самом деле нет, большую часть времени здесь я провела просто глядя по сторонам, а не концентрируясь на отдельных деталях» (ННН1(19), 35 – 44, учительница, белая, британка).

Следовательно, классовое и этническое разнообразие в зеркале наследия загородных домов отражается как нечто совершенно беспроблемное, а место, которое средний класс

занимает в истории и обществе, охраняется, ведь, как мы узнаем в ходе этих визитов: «Это часть современной Англии как часть нашей истории, того, что значит – быть англичанином. Без таких мест мы бы все еще жили в трущобах, но такие места предлагают нам что-то, перед чем можно снять шляпу – они позволяют нам почувствовать принадлежность к обеим сторонам истории» (СН128, мужчина, 40 – 59, учитель, 2004).

В то время, как опыт посещения загородных домов был совершенно не критическим, определяемым АДН и развивающимся в рамках последнего, нечто совершенно иное происходило в английских музеях, посвященных социальной истории. В 2004 г. были опрошены 273 посетителя музеев такого профиля, в которых рассказывалось об истории горной промышленности, Толпадлских мучениках и их роли в истории тред-юнионов³⁰. Здесь, отвечая на вопрос «Что для Вас значит слово наследие», посетители предлагали определения, находящиеся за рамками АДН, и демонстрирующие близость к пониманию нематериального наследия (знания и навыки, связанные с работой, устная история и воспоминания). Зачастую эти определения отвергали именно те, что развивались в русле АДН. Один из опрошенных, бывший шахтер, сформулировал это следующим образом: «(наследие – это) история рабочего класса, как противоположность тому, чтобы рассматривать усадьбы, где живут помещики (говорит насмешливо), загородные дома сами по себе интересны, но так ли уж много ты можешь узнать, их разглядывая, и к тому же: почему я должен платить кому-то, чтобы посмотреть на его дом – с тем же удовольствием они могут заплатить мне 10 фунтов и посмотреть на мой (NCM5, мужчина, бывший шахтер).

В музеях такого рода люди вспоминали свою собственную жизнь, жизнь своих родителей, представителей старших поколений, они передавали определенную информацию и воспоминания членам своей семьи. Один мужчина заметил о музее, который только что посетил: «Тут вспоминать лучше всего, лучше, чем где-нибудь еще. Так и вижу, как мама вяжет коврик – соединяет лоскутки и сшивает вместе» (ОАМ69, мужчина, за 60, горный инженер).

Этот человек, как и многие другие, нами опрошенные, использовал музей для того, чтобы вспомнить семейные истории или историю своей деревни, рабочего места, региона. Зачастую посетители совершенно эксплицитно определяли свое наследие как наследие рабочего класса и стремились гарантировать, чтобы их дети и внуки узнали о значимости этого наследия. Они использовали музеи и их коллекции предметов рабочего быта для того, чтобы сделать свою историю более реальной для детей, чьи родители уже не работали в горной промышленности: «Надо знать прошлое, чтобы понимать, как мы оказались там, где сейчас находимся. Для детей видеть это очень важно, но у детей нет настоящего понимания времени, они думают, что история – это только что-то очень старое, но ведь и это все тоже история, и это может научить их чему-то, связанному с их ценностями, их предками – но все это исчезает, если я просто расскажу своим внукам о том, как мой дед работал на шахте, это будет значить для них очень мало, но такие места делают все это гораздо более реальным. И это уже можно передать» (ОАМ64, женщина, 40 – 59, учительница, из семьи горняков, 2004).

Один мужчина, интервью с которым я записала в 2004 г., рассказывал о том, как забастовка шахтеров 1984 – 1985 гг. все еще продолжала беспокоить его, и как сложно ему было говорить с родными о своей работе и том опыте, который он приобрел в качестве шахтера,

³⁰ Ibid.

именно из-за травмы, оставленной забастовкой и ее последствиями. Дочь, которая очень хотела узнать об истории и наследии своего отца, должна была просто «затащить» его в музей, так чтобы он мог говорить об этой истории где-то вдали от эмоциональных ассоциаций семейного очага. Ему музей дал возможность поговорить о своей работе с дочерью и, тем самым, покидая музей, оставить позади и тяжелые эмоции.

Что люди делали в ходе этого процесса воспоминания, который происходил вне, а иногда и в активной оппозиции с АДН? Они были вовлечены в процесс критической рефлексии по поводу своей собственной жизни и жизни других людей. Детей не просто учили семейной или классовой истории, соответствующим воспоминаниям. Взрослые не просто погружались в воспоминания. Скорее и отдельные люди и целые семьи учились ощущать и проявлять эмпатию, а затем использовать ее для критических размышлений относительно настоящего. Снова и снова люди повторяли, как рады они жить именно сейчас, и сколь многим обязаны людям прошлого³¹.

Это не было сентиментальной ностальгией или нарциссическим отражением прошлого, скорее речь шла об активном признании культурных и политических ценностей рабочего класса, которые и позволили людям достичь нынешнего положения дел. Зачастую посетителями этих музеев активно создавались основываемые на чувстве эмпатии связи с людьми прошлого: «Я думал о том, как все это было, и это вызывает множество эмоций. Думал о своем сыне и о том, какая бы жизнь у него была, родился он тогда» (NCM28); «Я пытался представить: каково приходилось мужчинам моей семьи, чтобы заработать на хлеб» (NCM20); «Для меня увидеть это место важно, у меня отец и пятеро братьев были шахтерами. В те дни – если твой отец был шахтером, то и ты им становился. Я здесь два часа и просто хожу и вспоминаю» (NCM74).

Нередко посетители использовали созданные здесь эмпатические связи для критического осмысления социальных и политических проблем настоящего или недавнего прошлого: «Я из деревни шахтеров и (я думаю) о тех огромных последствиях (и культурных и социальных), которые имело закрытие этой индустрии» (NCM83); «Очень важно, чтобы люди знали: почему у них сегодня есть все эти права. Это связано с Тэтчер и шахтерами» (TP50); «Это было огромное сообщество. Мы терпеть не могли миссис Тэтчер, когда пришли сюда – еще до того, как пришли, это чувствовали!» (NCM82); «Грустно, что аристократы все еще делают то, что делают. В смысле законов ситуация изменилась, но отношение тех, кто владеет землей, не изменилось совершенно» (TP39).

В этих музеях люди действовали вне АДН, или даже в оппозиции к нему. Они часто заявляли о чувстве наследия, относительно которого знали, что остальная Англия вовсе не считает его таким уж значимым, но, тем не менее, в рамках своих сообществ они работали над тем, чтобы укрепить собственное чувство идентичности рабочего класса, а так же те социальные и политические ценности, на которые это чувство опирается. Работа, проделанная другими исследователями, также показывает, до какой степени наследие рабочего класса оказывается исключенным из национального и культурного наследия многих стран Запада³². Множество работ посвящено тому, как активно и осознанно природа наследия

³¹ Ibid. P. 195 и далее.

³² Robertson I. J. M. Heritage from below: Class, social protest and resistance // Heritage and Identity. Ed. by B. Graham and P. Howard. Aldershot, 2008.; West S. Heritage and class // Understanding the Politics of Heritage. Ed. by R. Harrison. Manchester, 2010. См. также: Heritage, Labour and the Working Classes. Ed. by L. Smith, P. Shackel and G. Campbell. London, 2011.

рабочего класса участвует в конструировании и укреплении их собственной классовой памяти и актов коммеморации³³. Один из важных результатов всех этих исследований заключается в том, что было показано, до какой степени наследие оказывается важным для утверждения не только исторической и социальной, но и моральной легитимности опыта рабочего класса³⁴. Из этого следует, как важно понимать наследие в качестве политического ресурса, используемого при борьбе за распределение власти. Для понимания наследия в качестве ресурса власти или политического ресурса полезным кажется обратиться к идее «политики признания». Как отмечает Н. Фрэнгер, «политика идентичности» в конце XX в. стала серьезной ареной политических переговоров³⁵. Однако, будучи представленной в виде «политики признания» она не просто приобретает новое имя или сводится к символическим взаимодействиям, но скорее приобретает материальные последствия для перераспределения ресурсов (таких, как финансы, образование, жилье, благосостояние и т.д.). В условиях, когда дискурсы наследия все больше и больше преобладают в публичных дебатах по всему миру, и все чаще признается право этих дискурсов обосновывать и узаконивать требования социальной и культурной идентичностей, дискурсы наследия начинают играть ключевую роль в политике признания. Таким образом, попытка оспорить АДН может имплицитно, а иногда и эксплицитно, влиять на распределение политической власти и влияния – т. е., политическая и культурная легитимность, передаваемая определенным требованиям идентичности и исторического опыта, будет иметь последствия для равенства разных сторон в политических переговорах о доступе или перераспределении материальных ресурсов. Любое признание легитимности наследия рабочего класса бросает вызов АДН и тем иерархиям, которые на нем базируются. Это верно не только в отношении политики и наследия рабочего класса, но и в отношении политики, связанной с коренными народами³⁶, например, в контексте конфликтов, отсылающих к проблемам мультикультурализма и культурного разнообразия.

В следующем примере, основывающемся на интервью, которые проводились с посетителями выставок, посвященных роли Британии в трансатлантической торговле, АДН не может в полной мере стать посредником между аудиторией и теми противоречивыми, диссонирующими историями, с которыми она вынуждена столкнуться. Это, в свою очередь, означает, что обращение к истории, имеющей значение для актуальных публичных дебатов по вопросу британского мультикультурализма и, следовательно, угроза доминированию монокультурного национального нарратива, отвергаются самим АДН.

В 2007 г. были проведены интервью с 1 498 посетителями, выходящими с выставок, которые или открылись в 2007 г. или были специально приурочены к двухсотлетию запрета Британией работорговли. В этом проекте, о котором мы уже писали раньше, при-

³³ Linkon S. L., Russo J. *Steelestown U.S.A.: Work and memory in Youngstown*. Lawrence, 2002; *New Working-Class Studies*. Ed. by J. Russo and S. L. Linkon. Ithaca, 2005; *Strangleman T.* Food, drink and the cultures of work: consumption in the live and death of an English factory // *Food, Culture and Society: An International Journal of Multidisciplinary Research*. 2010. Vol. 13. № 2. P. 257-278; *Smith L., Shackel P., Campbell G.* Introduction: class still matters // *Heritage, Labour and the Working Classes*. Ed. by L. Smith, P. Shackel and G. Campbell. London, 2011.

³⁴ *Smith L., Shackel P., Campbell G.* Introduction: class still matters.

³⁵ *Fraser N.*: 1) Rethinking recognition // *New Left Review*. 2000. Vol. 3 (May/June). P. 107-120; 2) Recognition without ethics? // *Theory, Culture and Society*. 2001. Vol. 18. № 2-3. P. 21-42.

³⁶ *Smith L.* Ethics or social justice? Heritage and the politics of recognition // *Journal of Aboriginal Studies*. 2010. Vol. 2.

няли участие 8 музеев³⁷. Тогдашнее правительство лейбористов приветствовало события, связанные с двухсотлетием, как возможность подчеркнуть моральный авторитет Британии в запрете работорговли³⁸. Безусловно, взгляд на Британию как на лидера в деле запрещения торговли рабами сам по себе является частью национального наследия этой страны, в то время, как история британского порабощения африканцев и превращения их в рабов может рассматриваться в качестве скрытой истории³⁹. Вплоть до 2007 г. широко она не обсуждалась, и только после 2009 г. превратилась в обязательный элемент школьной программы Великобритании⁴⁰.

С исторической точки зрения экономическое значение этой торговли для Британии было огромно, она помогла совершить индустриальную революцию, а аристократия была и все еще остается глубоко вовлеченной в эту историю⁴¹. Многие музеи, включая и те, посетителей которых мы опрашивали, пытались оспорить торжества официального двухсотлетия и подчеркнуть не столько роль белых аболиционистов, сколько представить экспозиции, в которых рассказывалось бы о сопротивлении работорговле в самой Африке и трудностям культурного выживания в диаспоре⁴². Многие экспозиции были активно вовлечены в изображение африканской культуры и осмысление того, какой ущерб торговля нанесла африканскому континенту⁴³.

Результаты, полученные в ходе опросов посетителей, оказались весьма неоднозначными⁴⁴. Однако для целей настоящей работы полезнее всего будет сконцентрироваться на ответах, полученных от тех, кто определял себя как белых англичан или белых британцев. Результаты интервью были чрезвычайно тесно связаны с проблемой этнической принадлежности. Посетители, связанные с афро-карибским окружением, зачастую искали признания того, что прежде было скрытой историей, и оценивали возможность выставок зафиксировать это признание⁴⁵. При этом многие белые британцы выражали обеспокоенность относительно проблемы вины. Ни сами выставки не поднимали этой проблемы, ни мы, бравшие у посетителей интервью, не педалировали ее. Казалось, что многие принесли эти проблемы сюда с собой. Самые разные белые британцы проявляли обеспокоенность

³⁷ *Museum and Society*. 2010. Vol. 8. № 3 (Special issue: «Museums and the bicentenary of the abolition of the British slave trade»); *Representing Enslavement and Abolition in Museum: Ambiguous Engagements*. Ed. by L. Smith, G. Cubitt, R. Wilson and K. Fouseki. New York, 2011.

³⁸ *Waterton E.* Humiliated silence: multiculturalism, blame and the trope of 'moving on' // *Museum and Society*. 2010. Vol. 8. № 3. P. 128-142.

³⁹ *Kowaleski Wallace E.* *The British Slave Trade and Public Memory*. New York, 2006; *Oldfield J. R.* «Chords of Freedom»: Commemoration, Ritual and British Transatlantic Slavery. Manchester, 2007.

⁴⁰ *Paton D., Webster J.* Remembering Slave Trade Abolitions: Reflection on 2007 in International Perspective // *Slavery and Abolition*. 2009. Vol. 30. № 2. P. 161-167.

⁴¹ *Walvin J.* *Britain's Slave Empire*. Stroud, 2000.

⁴² *Cubitt G.*: 1) Bringing it Home: Making local meaning in 2007 Bicentenary exhibitions // *Slavery and Abolition*. 2009. Vol. 30. № 2. P. 259-275; 2) Lines of resistance: evoking and configuring the theme of resistance in museum displays in Britain around the bicentenary of 1807 // *Museum and Society*. 2010. Vol. 8. № 3. P. 143-164; *Paton D.* Interpreting the Bicentenary in Britain // *Slavery and Abolition*. 2009. Vol. 30. № 2. P. 227-289.

⁴³ *Cubitt G., Smith L., Wilson R.* Introduction: anxiety and ambiguity in the representation of dissonant history // *Representing Enslavement and Abolition in Museum: Ambiguous Engagements*. Ed. by L. Smith, G. Cubitt, R. Wilson and K. Fouseki. New York, 2011.

⁴⁴ *Smith L.*: 1) «Man's inhumanity to man» and other platitudes of avoidance and misrecognition: an analysis of visitor responses to exhibitions marking the 1807 bicentenary // *Museum and Society*. 2010. Vol. 8. № 3. P. 193-214; 2) Affect and registers of engagement: navigating emotional responses to dissonant heritages.

⁴⁵ *Idem.* Affect and registers of engagement: navigating emotional responses to dissonant heritages.

из-за того, что приобрели тут опыт, называемый иногда «британской поркой». Многие из опрошенных упоминали о чувстве вины, чаще всего отвергая мысль о законности такого чувства. Например: «Для меня как для англичанина это часть английской истории, так она со мной и говорит ... ничего больше. Я не чувствую вины из-за работорговли, хотя и думаю, что она была ужасной, и это все было отвратительно и с точки зрения морали достойно осуждения и это непростительно и т.д. Но вины я не чувствую, даже несмотря на то, что я англичанин и получил от нее выгоды, вины не чувствую» (ВНА64, мужчина, 55 – 64, учитель, белый, британец).

В целом, большинство белых британцев не смогли конструктивно преодолеть или переосмыслить чувство вины или стыда. Для того чтобы попытаться изолировать говорящего от негативных эмоций, многими посетителями использовался целый ряд активных дискурсивных и эмоциональных стратегий. Для нас интерес представляет тот факт, что АДН не мог помочь посетителям примириться с историей, которую им демонстрировали на выставках. АДН связан с триумфом и комфортом, он не может помочь большинству посетителей таких выставок осмыслить в качестве наследия историю британского порабощения Африки и понять, что она могла значить для британской национальной идентичности. Некоторые белые британцы, благодаря открытиям, сделанным на этих выставках, все же включились в процесс критического переосмысления того, что означает быть британцем. Большинство же, однако, не смогли найти в себе эмоциональные силы, необходимые для развития эмпатических связей, нужных для соотношения с этой историей и ее значением для современной Британии. Вместо этого, многие посетители опираются на дискурсивные стратегии, использующие пять основных аргументов самоуспокоенности, которые и помогают им понять и принять данное наследие. Эти стратегии направлены на то, чтобы снять любые негативные эмоции, вызываемые документированной на выставке историей, и снять любое чувство наследственной близости, которое бы закреплялось признанием этой истории как части британского культурного наследия. Аргументы самоуспокоенности – это утверждения, рассматриваемые как проявление здравого смысла, у них есть собственная внутренняя логика, так что эти заявления можно считать бесспорными и неопровержимыми. Особенно интересным в использовании таких аргументов музейными посетителями кажется то, что они прямо совпадают с похожими аргументами самоуспокоенности, озвучиваемыми в ходе публичных дебатов по вопросам расы, разнообразия и мультикультурализма многими западными учеными⁴⁶.

Первый из таких аргументов основывается на тезисе, в соответствии с которым «колесо истории нельзя повернуть назад», т.е. история рабства столь отдалена от нас во времени, что обращаться к ней вновь и вновь просто бессмысленно: «... это случилось 200 лет назад, тех, кто живет сейчас, тогда там не было, так что я думаю, это совершенно бессмысленный поступок» (ВА110(110): мужчина, 45 – 54, водитель, белый, британец); «... этого не должно было быть, но то было другое поколение, это было очень давно» (WHD3(102): женщина, 45 – 54, учитель, белая, британка); «На самом деле, это не слиш-

⁴⁶ См., напр.: *Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimization of Exploitation. Hemel Hempstead, 1992; Augoustinos M., Le Coureur A., Soyland J. Self-sufficient Arguments in Political Rhetoric: Constructing Reconciliation and Apologizing to the Stolen Generations // Discourse and Society. 2002. Vol. 13. № 1. P. 105-142; Augoustinos M., Every D.: 1) The Language of «Race» and Prejudice: A Discourse of Denial, Reason, and Liberal-Practical Politics // Journal of Language and Social Psychology. 2007. Vol. 26. № 2. P. 123-141; 2) Accusations and denials of racism: managing moral accountability in public discourse // Discourse and Society. 2010. Vol. 21. № 3. P. 251-256.*

ком сильно на меня подействовало. Я ничего не чувствую, нет. Это было так давно» (ВМЕ6(73): мужчина, 25 – 34, археолог, белый, британец). В рамках АДН глубина во времени – важный элемент при наделении некоего объекта статусом наследия. Очевидно, что посетители загородных домов, о которых мы писали выше, связывали свое чувство гордости с возрастом тех мест, которые они посещали, и с длительностью исторической преемственности. Однако в данном случае призвать на помощь АДН оказалось невозможно, и концепт исторической давности использовался как инструмент против идентификации значения этой истории в качестве наследия. Любопытно отметить, что, отвечая на вопрос, какие еще места наследия они посещают, опрошенные на этих выставках указывали именно на загородные дома. Очевидно, что социо-культурный и образовательный облик посетителей загородных домов был очень близок облику белых британцев, у которых брали интервью на этих выставках.

Второй аргумент базировался на том, что моральные представления сегодняшнего дня отличаются от таковых в прошлом: «... тогда просто так поступали, моральные ценности изменились ...» (ВА99(99): мужчина, 35 – 44, бухгалтер, белый, англичанин / ирландец); «Нет, я думаю, что так оно все и есть, что это происходит снова и снова, это не какое-то одно отдельное событие, а часть человеческого поведения вообще, мы должны принять это» (ВА105(105)).

Третий аргумент подчеркивал, что «все это делали» и британцы «вовсе не были единственными»: «Это не моя вина, что они делали то-то и то-то, это не самая важная часть британской истории, они же не делали ничего такого, чего бы не делали и французы, скажем, или испанцы, португальцы ...» (ВА99(99): мужчина, 35 – 44, бухгалтер, белый, англичанин / ирландец).

Четвертый аргумент оговаривал, что настоящими виновниками всего этого были представители британской элиты, а рабочий класс напрямую вовлечен в эти события не был. В данном случае игнорировались те выгоды, которые от работоторговли получило все британское общество в целом: «Мы ведь просто представители рабочего класса, разве нет? Не думаю, что на нас можно возлагать ответственность за то, что с ними тогда происходило» (LF4(290): мужчина, 35 – 44, авиатехник, белый, британец).

Пятый аргумент заключался в том, что отмечалось: в процесс порабощения вовлечены были не только европейцы, но и «африканцы тоже сыграли в нем свою роль»: «Африканцы должны просить прощения у себя самих, если бы они сами не ловили рабов, нам бы некого было оттуда вывозить» (ННД17, мужчина, 45 – 54, страховой маклер, белый, британец); «Ладно, мы заковывали в цепи представителей другой расы, нам не следовало этого делать, но это так, а если бы они не продавали их, и люди тогда не покупали бы их, то и работоторговли бы не было, так что я думаю, это они (африканцы) должны начать просить прощения первыми, потому что началось-то это все в Африке» (ВНЕ22(95): мужчина, 45 – 54, администратор, белый, англичанин).

В данном случае АДН не мог предоставить эмоциональные ресурсы, необходимые многим музейным посетителям для того, чтобы вступить в контакт с теми негативными чувствами, которые заключены в истории британского участия в работоторговле. Вместо этого, посетители обращались к другим дискурсам, доступным в Западном обществе. В этом примере такие дискурсы могли снять неловкие чувства исторической и современной ответственности за признание легитимности мультикультуралистской Британии. В целом, признания и принятия этой истории и ее последствий для настоящего, которых ожидали в

ходе торжеств по случаю двухсотлетия многие афро-карибские британцы⁴⁷, не произошло. Или, по крайней мере, не произошло их для тех посетителей, о которых говорилось выше.

В 1999 г., размышляя о культурном разнообразии в современной Британии и чувстве эксклюзии, которое относительно национальных британских нарративов наследия испытывали афро-карибские британцы, С. Хэлл замечал: «Национальное наследие есть мощный источник ... смыслов. Оказывается, что те, кто не может различить себя в его зеркале, не могут по-настоящему и «принадлежать»»⁴⁸. Данные, полученные в ходе опросов посетителей на выставках, посвященных трансатлантической работоторговле, указывают, что зеркало наследия в Британии не слишком изменилось. Двухсотлетние торжества в 2007 г. не смогли радикально поколебать АДН, он по-прежнему сопровождал музейные экспозиции и, с точки зрения политики признания, ситуация с легитимностью африканского наследия в Британии изменилась не слишком.

Заключение

Три примера, приведенные в данной статье, демонстрируют нам три возможных способа взаимодействия с АДН. Первый связан с посетителями загородных усадебных домов. Здесь АДН обрамляет культурные и социальные воспоминания, а так же тот перформанс, в который оказывается вовлечен посетитель, – АДН обрамляет те моменты наследия, которые переживают здесь люди. В случае со вторым, посетители в музеях социальной истории предпринимают работу, связанную с проблемой идентичности, и осуществляют перформанс воспоминания, которые действуют вне АДН и оспаривают его. Третий относится к выставкам, связанным с проблемным и диссонирующим наследием. Здесь АДН не может предоставить посетителям эмоциональные или лингвистические инструменты, необходимые для взаимодействия с культурными смыслами, которые оказываются необходимыми для обращения к памяти об истории британского участия в трансатлантической работоторговле. Вместо этого, в связи с данной историей многие посетители предпочитают забвение и унижительное молчание⁴⁹. Здесь АДН оказывается нерелевантен – ведь это вовсе не наследие, оно не передается по наследству и не отражается, следовательно, АДН нельзя использовать – даже в незначительной степени – для того, чтобы придать законность идее о том, что вся эта неприятная история может быть наследием.

Что следует из данного исследования? То, что наследие есть нечто активное, им не просто обладают, его создают. Это момент действия, а не нечто замороженное в материальной форме. Оно включает в себя набор действий, которые зачастую происходят в определенных местах. Хотя эти места и могут придавать чувство уместности или материальности происходящим здесь перформансам, или даже предоставлять пространство, которое способствует осуществлению некоторых перформансов, как это было в приведен-

⁴⁷ *Agbetu T.* Restoring the Pan African Perspective: Reversing the institutionalisation of Maafa denial // Representing Enslavement and Abolition in Museum: Ambiguous Engagements. Ed. by L. Smith, G. Cubitt, R. Wilson and K. Fouseki. New York, 2011.P; *Gbadamosi R.* Maybe there was something to celebrate // Representing Enslavement and Abolition in Museum: Ambiguous Engagements. Ed. by L. Smith, G. Cubitt, R. Wilson and K. Fouseki. New York, 2011.P.

⁴⁸ *Hall S.* Whose Heritage? Un-settling «The Heritage», Re-imaging the post-nation. P. 4.

⁴⁹ *Connerton P.* Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1. № 1. P. 59-71; *Smith L.* «Man's inhumanity to man» and other platitudes of avoidance; *Waterton E., Smith L., Wilson R., Fouseki K.* Forgetting to Heal: remembering the abolition act of 1807 // The European Journal of English Studies. 2010. Vol. 14. № 1. P. 23-36.

ном выше примере с шахтером и его дочерью, сами по себе они не являются наследием. Место становится наследием из-за действий, связанных с его менеджментом, консервацией и организацией посещений. Как отмечает Р. Сэмюэль, эти места становятся «театрами памяти», и как таковые проникают в воспоминания, рождающиеся у людей, когда те приходят сюда⁵⁰.

Наследие есть некий опыт, будучи социальным и культурным перформансом оно является тем, с чем люди активно взаимодействуют. Это взаимодействие может включать не только активные перформансы воспоминания, как это было в случае с загородными усадебными домами или музеями социальной истории, но и активные перформансы забвения, что мы увидели на примере реакции посетителей на выставки по истории трансатлантической работорговли. Кроме того, наследие есть процесс коммуникации, передачи и переделки знаний и идей, он связан с утверждением и проявлением идентичности, а так же (вос)созданием социальных и культурных ценностей и лежащих в их основе смыслов. Продуктом или следствием действий наследия оказываются эмоции, опыт и память, и, хотя они упрощают работу по выработке чувства идентичности и принадлежности, это отнюдь не все, что делает наследие. Им также создаются и постоянно воссоздаются, а не просто сохраняются, социальные сети, политические и социальные иерархии. Этот процесс создания идентичностей и сетей может вести к созданию чувства принадлежности и скреплять идентичность, но он же может означать и эксклюзив и исключение. Один из парадоксов наследия заключается в том, что здесь в самом процессе инклюзии, почти автоматически, будет скрыт и процесс эксклюзива⁵¹. Наследие может быть и прогрессивным и реакционным / консервативным импульсом. Нарциссическая иллюзия, против которой предостерегал Ф. Хой⁵², может быть выявлена альтернативными конструкциями наследия. Зачастую они оказываются скрытыми за АДН, но они по-прежнему будут существовать и будут оспаривать доминирующие и авторизованные отражения прошлого. Идентичности и различные виды памяти не просто «находятся», «производятся» или «отражаются» местами и памятниками наследия, они активно и беспрестанно воссоздаются и обсуждаются по мере того, как люди, сообщества и институции заново интерпретируют, вспоминают, забывают и переоценивают смысл прошлого в терминах социальных, культурных и политических потребностей настоящего.

Перевод с английского В. Г. Ананьева

Информация о статье

Автор: Смит Лораджин – Ph.D., научный сотрудник, Австралия, Школа археологии и антропологии, Австралийский национальный университет, Канберра, laurajane.smith@anu.edu.au

Заглавие: «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений?

⁵⁰ Samuel R. *Theatres of Memory*. London, 1994. Vol. 1: Past and Present in Contemporary Culture.

⁵¹ Brett D. *The Construction of Heritage*. Cork, 1996; Graham B., Ashworth G., Tunbridge J. *A Geography of Heritage: Power, Culture and Economy*. London, 2000; Graham B. *Heritage as knowledge: Capital or culture?* // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39. № 5-6. P. 1003-1017.

⁵² Choy F. *The Invention of the Historic Monument*.

Абстракт: Статья посвящена проблеме осмысления понятия наследие. Автор утверждает, что «наследие» – это не просто «вещь», место или нематериальное событие, но скорее некий перформанс или культурный процесс, связанный с обсуждением, созданием и воссозданием культурной памяти, ценностей и смыслов. Этот процесс затемняет то, что автор определяет как авторизованный дискурс наследия (АДН). В статье критически анализируется АДН. Приводятся три примера из области английского менеджмента наследия, которые демонстрируют, что именно осуществляет перформанс наследия.

Ключевые слова: авторизованный дискурс наследия, дискурс, наследие, память.

Information on article

Author: Smith Laurajane – Ph. D., Australian Research Council Future Fellow, Australia, the School of Archaeology and Anthropology, the Australian National University, Canberra, laurajane.smith@anu.edu.au.

Title: The «patrimonial mirror»: narcissistic illusion or multiple reflections?

Abstract: This paper argues that «heritage» is not a «thing», place or an intangible event, but rather it is a performance or cultural process concerned with negotiating, creating and re-creating cultural memories, values and meanings. This process is obscured by the authorized heritage discourse (or AHD). The paper critically analyses the AHD and draws on three case studies from England to illustrate some of the cultural work the heritage performance undertakes.

Key words: authorized heritage discourse, discourse, heritage, memory.